

управляться распоряжениями магистратов, не захотят в критические минуты повиноваться ему одному, и он встретит вокруг себя недостаток в таких лицах, которым мог бы довериться. В самом деле, подобный правитель никогда не должен рассчитывать, что в трудные для него минуты он встретит вокруг себя то же самое, что он видит в обыкновенное время — когда его подданные нуждаются в его управлении. В такое время все окружающие стараются заслужить его благоволение, суетятся вокруг него и на словах бывают рады положить за него свою жизнь, так как в смерти их не представляется необходимости; но в трудные для себя минуты, когда необходимо содействие сограждан, он встречает очень мало лиц, готовых ему помочь. Подобный опыт тем более губелен для государя, что его нельзя испытать два раза. Следовательно, заботой мудрого правителя этого рода должно быть введение и поддержание такого образа правления, при котором его подданные во всякое время и при всяких обстоятельствах нуждались бы в нем; только в таком случае может он рассчитывать во всякое время встретить в них верность к себе.

Глава X. Каким образом в государствах всякого рода можно определять степень своей силы

Рассматривая различные роды государств, я должен заметить, что для правителя всегда бывает чрезвычайно важно знать, может ли его государство в случае необходимости защищаться собственными своими средствами или должно быть вынуждено прибегать для своей защиты к чужой помощи. Чтобы мысль моя была ясна, я должен сказать, что считаю способными защищаться своими средствами только таких государей, которые располагают достаточным числом людей и суммами денег, чтобы во всякое

время выставить значительную армию, могущую выдержать битву с врагами. Государствами же слабыми и нуждающимися в чужой защите я считаю такие, войско которых так незначительно, что не в состоянии выдержать открытого сражения, а может только служить гарнизоном во время осады врагами крепостей, принадлежащих государствам. Я уже говорил о государствах первого рода и впоследствии еще возвращусь к рассмотрению случайностей, которые с ними могут происходить.

Во втором случае слабым государям я могу только посоветовать как можно усерднее укреплять те города, в которых находятся их резиденции, и не заботиться об остальной стране. Если правитель сумеет хорошо укрепить свою столицу и хорошим управлением, при помощи средств, о которых я уже говорил и буду еще говорить, привяжет к себе подданных, то обыкновенно не охотно решаются на осаду его столицы. Это происходит оттого, что люди вообще не особенно охотно решаются на предприятия, успех которых труден, осаждают же хорошо укрепленную столицу такого государя, который любим своими подданными, — дело нелегкое.

Германские государства пользуются весьма широкой свободой, хотя территории их весьма необширны; жители не страдают от особенного гнета своих правителей и не боятся ни их, ни правителей соседних городов. Каждый город так хорошо укреплен, что осаждают его весьма затруднительно; все они окружены крепкими стенами и широкими рвами, снабжены в достаточном количестве артиллерийскими орудиями и снарядами, а общественные магазины в них наполнены провиантом и топливом в таком количестве, что его хватит на год для всех жителей. Кроме того, у них заготовлены значительные запасы материалов, могущих дать на целый год работу нуждающимся классам населения, без общественного отягощения. Народ в них будет, следовательно, и во время осад спокоен, предаваясь именно тем занятиям, кото-

рые составляют жизнь и нерв местной его деятельности. Кроме того, военное звание в этих городах пользуется почетом и в войсках учрежден образцовый порядок. Итак, правитель, столица которого хорошо укреплена и который не ненавидим народом, не должен бояться бедствий осады; обыкновенно против таких укрепленных мест осад не предпринимают, в случае же начатой осады, она к стыду осаждающих весьма скоро снимается, так как, при изменчивости дел в этом мире, почти невозможно, чтобы враг оставался со своими войсками лагерем целый год в одной и той же местности.

Мне возразят, что жители страны, живущие за городскими стенами, не могут сохранять спокойствие при виде того, как их собственность будет сжигается неприятелем; что скука осадного времени и личная безопасность заставит их мало заботиться об интересах своего государя. На это я отвечу, что храбрый и могущественный правитель всегда сумеет восторжествовать над этими трудностями: он может обнадеживать подданных тем, что невзгода долго не продолжится, возбуждать в них боязнь жестокостей врага и, наконец, прибегать к строгим мерам в отношении тех, кого он найдет слишком дерзкими и недовольными.

Кроме того, неприятель обыкновенно жмет и грабит страну в первое время своего вторжения, то есть в то именно время, когда умы жителей особенно возбуждены против него и все расположено к защите. При таком настроении умов для государей обязательно хладнокровие; так как впоследствии, когда первая вспышка энтузиазма народа утихнет, ему придется поддерживать в нем этот дух. Тогда жители поймут, что беда уже совершилась, зло уже ими перенесено и против него нет более лекарства; они увидят, что связь их с государем как бы укрепились, так как они почтут его как бы обязанным вознаградить их за то, что их дома сожжены и поля истоптаны для его защиты. Таким образом, сообразив все мною сказанное, легко понять, что мудрому государю,

осажденному в столице, весьма нетрудно внушать бодрость ее жителям и поддерживать их в этом расположении до тех пор, пока средства продовольствия и защиты не истощатся.

Глава XI. О государствах, управляемых духовною властью

Мне остается теперь рассмотреть государства, управляемые духовной властью. Вся трудность в отношении их состоит, впрочем, только в их приобретении, для чего нужно или счастливое стечение обстоятельств, или личное достоинство духовного лица, приобретающего их. При дальнейшем их управлении не требуется ни того, ни другого, так как власть поддерживается обыкновенно укоренившимися религиозными обычаями, чрезвычайно могущественными в человеческих обществах, и уважением к сану правителей, независимо от того, как бы они ни действовали и какого бы рода жизнь ни вели.

Только такого рода правители обладают государствами, не обязываясь их защищать, и имеют подданных, о которых ничуть не заботятся. Государств этих, хотя и незащищенных, никто у них не оспаривает, и их подданные, хотя о хорошем управлении ими никто не заботится, не желают, да и не могут отлагаться от них. Только такие правители счастливы и безопасны. Так как подобное явление зависит от высших причин, до которых человеческий ум не может возвыситься, то я и не буду совершенно об этом говорить. Власть их обыкновенно проистекает от Бога и поддерживается Божью милостью, так что и рассуждать о ней человеку грешно и дерзко. Тем не менее если меня спросят, каким образом светская власть церкви могла достигнуть настоящего своего могущества, я должен буду, несмотря на то что все это хорошо известно, освежить несколько причины этого в памяти моих читателей. В самом деле, между тем как до Александра VI

Несмотря на большие размеры своей территории, русский народ, по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях.

Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к теплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьезные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его промышленности и внешней торговли и, таким образом, отнимает у него главнейший источник народного богатства. Короче говоря, своим географическим положением русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворенное существование.

Неудовлетворенность его выразилась в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении «к солнцу и теплой воде», а последнее, в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь.

Упираясь тылом во льды Северного океана, правым флангом в полузакрытое Балтийское море и во владения Германии и Австрии, а левым — в малопригодные для плавания части Тихого океана, Великая северная держава имеет не три, как это обыкновенно считается у нас, а всего лишь один фронт, обращенный к югу и простирающийся от устья Дуная до Камчатки. Так как против середины фронта лежат пустыни Монголии и Восточного Туркестана, то наше движение к югу должно было идти не по всей линии фронта, а флангами и преимущественно ближайшим к центру государственного могущества правым флангом, наступая которым через Черное море и Кавказ к Средиземному морю и через Среднюю Азию к Персидскому заливу, мы в случае успе-

ха сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов — так называемый Суэцкий путь.

Но подобное решение самого важного из наших государственных вопросов не отвечало расчетам тиранически господствующих на море и необычайно искусных в жизненной борьбе англичан, а поэтому, несмотря на все блестящие победы наши над турками, хивинцами, туркменами и другими противниками на театрах военных действий, — на театре борьбы за жизнь весь правый фланг наш, в конце концов, потерпел неудачу: левая колонна его была остановлена в Мерве, средняя — в Карсе и Батуме, а самая сильная — правая, уже достигнув проливов, принуждена была повернуть назад и отойти к северным берегам Черного моря.

II

Наступление нашего левого фланга началось в XVI столетии походом Ермака на Сибирское царство. Одолев это единственное в политическом смысле препятствие, смелая вольница наша потянулась одновременно и к северу, — куда манили ее слухи о больших богатствах — «рыбьего зуба» (моржовых клыков), и к востоку, где девственная тайга была населена драгоценным пушным зверем, в особенности великолепным сибирским соболем. В погоне за этою добычею казаки добрались сначала до безграничных пустынь Северного Ледовитого океана, а затем, в начале XVIII столетия, появились и на Камчатке.

Полные необычайного интереса вести этих разведчиков, дойдя до слуха уже лежавшего на смертном одре Петра Великого, вызвали приказ о посылке капитана Беринга для исследования северной части Тихого океана и открытия показавшегося во всех тогдашних атласах мифического материка «Гамаланда».

С невероятными трудностями, перевезя на вьюках через пустынную и бездорожную Сибирь все грузы для снаряжения

экспедиции, Беринг прибыл на Камчатку, построил в Авачинской губе двухпалубное судно и в 1728 г. совершил на нем свое первое плавание из Тихого в Северный Ледовитый океан через названный его именем пролив, но за туманом не видел американского берега.

Посланный затем вторично, он в мае 1741 г. на двух небольших судах, «Петре» и «Павле», пустился в полную неизвестности ширь страшно негостеприимного в северных широтах Тихого океана. В июне месяце, в бурю и туман, суда потеряли друг друга из вида и вынуждены были продолжать путь каждое само по себе. В июле оба они, на значительном друг от друга расстоянии, подошли к неизвестной земле. Таким образом, северная часть Тихого океана была пройдена и таинственный «Гамаланд», оказавшийся северо-западным берегом Америки, открыт был русскими мореплавателями.

На обратном пути претерпевавший страшные лишения от недостатка продовольствия и пресной воды «Петр» был выброшен бурей на лишенные всякой древесной растительности скалы, получившие в честь скончавшегося и похороненного на них Беринга название Командорских островов. «Павел» же под командою лейтенанта Чирикова благополучно прибыл в Петропавловск.

III

Результаты этой замечательной экспедиции были огромны. Вернувшиеся из плавания люди рассказали, что «дальше за Камчаткою море усеяно островами, за ними лежит твердая земля; вдоль берегов тянутся плавучие луга — солянки, а на них кишмя кишит всякий зверь, среди которого есть один — ни бобер, ни выдра, больше и того и другого, мех богаче собольего, и одна шкурка стоит до 400 рублей».